

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXIV • 2021 • № 4

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 220-летию со дня рождения
Осипа Михайловича Ковалевского (1801–1878)

191186. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ No ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор, доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук (Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поц, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Выпускающий редактор номера — кандидат исторических наук О. Н. Полянская (Улан-Удэ)

Оригинал-макет изготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
Литературный редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site*: <http://www.pvost.org>
Подписано в печать 29.11.2021
Формат 60×90^{1/8}. Объем 12 печ. л. Заказ №
Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,
Санкт-Петербург. 4-я линия В. О., д. 5. *e-mail*: editor@isvov.ru

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/07n5-9g63

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2021
© Коллектив авторов, 2021

В НОМЕРЕ:

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ О. М. КОВАЛЕВСКОГО

- Н. Г. Альфонсо.** «Буддийская космология» О. Ковалевского и «Учение о мире» Васубандху. 5
О. Н. Полянская. История востоковедения на страницах корреспонденции монголоведа О. М. Ковалевского (1801–1878) 16

ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- А. Д. Цыбиктаров, Э. О. Хакимова.** Деятельность Императорского Русского географического общества по изучению бронзового и раннего железного веков Монголии (70-е гг. XIX — начало XX в., источниковедческий аспект) 25

ФИЛОЛОГИЯ

- A. V. Zorin.** Ivan Minayev and “Heart of Darkness”: an Indological dimension of J. Conrad’s tale 33
Э. Вандан. Семантические особенности монгольского перевода романа Ф. М. Достоевского «Идиот» 40
А. С. Донгак. Новые полевые данные по фольклору и традиционной обрядности народов Западной Монголии (хотоны, урянхайцы и тувинцы) 46

АРХИВЫ МОНГОЛОВЕДОВ

- С. С. Сабрукова.** Страницы истории отечественного монголоведения: из воспоминаний Г. И. Михайлова (1909–1986) 54

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

- Ю. А. Иоаннесян.** Некоторые аспекты сходства и отличия в учении между шейхизмом и исмаилизмом (по материалам персоязычных исмаилитских источников) 64
Д. А. Костандян. Терминологическая система современной арабской музыки. 75
А. А. Туранская, М. А. Козинцев. Эстампажи надписи Моюн-чора в коллекции Института восточных рукописей РАН 89

IN MEMORIAM

- Ушел Марк Исаакович Гольман (*ред. коллегия*) 95

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

191186, Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXIV • 2021 • No. 4

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

**Dedicated to the 220th birthday anniversary
of Osip Mikhailovich Kovalevsky (1801–1878)**

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, D. Sc. (Philology),
Russian Federation*

D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sc. (Philology),
Russian Federation*

M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Russian Federation*

G. Bilguudei. *D. Sc. (Philology), Mongolia*

A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*

S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy
of Sciences, Mongolia*

L. S. Dampilova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

J. Legrand. *D. Sc., Professor, France*

V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*

E. E. Khabunova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*

S. L. Neveleva. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

K. V. Orlova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*

R. Pop. *Ph. D., Romania*

T. D. Skrynnikova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

R. M. Valeev. *D. Sc. (History), Russian Federation*

N. S. Yakhontova. *Cand. Sc. (Philology), Russian Federation*

I. V. Zaytsev. *D. Sc. (History), professor of the Russian
Academy of Sciences, Russian Federation*

Issue Compiler — Cand. Sc. (History) O. N. Polyanskaya

ISSN 2311-5939
DOI 10.25882/07n5-9g63

© Institute of Oriental Manuscripts RAS
(Asiatic Museum), 2021
© Group of authors, 2021

IN THIS ISSUE:

RESEARCH ACTIVITIES OF OSIP M. KOVALEVSKY

- N. G. Alfonso.** “Buddhist Cosmology” by O. Kovalevsky and “The Teaching of the World” by Vasubandhu 5
- O. N. Polyanskaya.** History of Orientalism in the Correspondence of a specialist in Mongolian Studies O. M. Kovalevsky (1801–1878) 16

STUDIES IN HISTORY OF CENTRAL ASIA

- A. D. Tsybiktarov, E. O. Khakimova.** Activities of the Imperial Russian Geographical Society for the Study of the Bronze and Early Iron Ages of Mongolia (70s XIX — early XX centuries, source study aspect) 25

STUDIES IN PHILOLOGY

- A. V. Zorin.** Ivan Minayev and “Heart of Darkness”: an Indological dimension of J. Conrad’s tale 33
- Enkhsaya Wandan.** Semantic Features in the Mongolian Translation of the novel “The Idiot” by Dostoevsky 40
- A. S. Dongak.** New field data on folklore and traditional rituals of the peoples of Western Mongolia (khotons, Uryankhais and Tuvinians) 46

ARCHIVES OF MONGOLIAN STUDIES

- S. S. Sabrukova.** A history of Mongolian studies in Russia: from the memoirs of G. I. Mikhaylov (1909–1986) 54

RELATED DISCIPLINES

- Y. A. Ioannesyan.** Some aspects of similarities and differences between the Shaykhi and Ismaili teachings (based on Persian-language Ismaili sources) 64
- D. A. Kostandian.** Terminological System of modern Arabic Music 75
- A. A. Turanskaya, M. A. Kozintcev.** Estampages of the Bayanchur inscription kept at the Institute of Oriental manuscripts, RAS 89

IN MEMORIAM

- Mark Isaakovich Golman (07.11.1927–05.09.2021) (*by editorial board*). 95

С. С. Сабрукова

Страницы истории отечественного монголоведения: из воспоминаний Г. И. Михайлова (1909–1986)

© С. С. Сабрукова, 2021
DOI 10.25882/kdjv-4s94

Статья посвящена мемуарам монголоведа XX в. Г. И. Михайлова о своих учителях и коллегах Б. Я. Владимирцов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, А. В. Бурдукове, С. А. Козине, Н. Н. Поппе и Г. Н. Румянцеве. Мемуары были выявлены в личном фонде Н. П. Шастиной в Архиве востоковедов ИВР РАН. Г. И. Михайлов определяет свои воспоминания как заметки об известных личностях русского востоковедения, в них описаны реалии жизни того времени, личный взгляд автора на разные события в жизни его «героев». Хронологически они охватывают более сорока лет, с 1926 по 1967 г. Текст мемуаров написан живым языком, интересно и увлекательно, с использованием формы речи — диалога.

Ключевые слова: Б. Я. Владимирцов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, А. В. Бурдуков, С. А. Козин, Н. Н. Поппе, Г. Н. Румянцев.

Сабрукова Светлана Санджиевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, отдел рукописей и документов ИВР РАН (Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18).

ssabrukova@yandex.ru

В архиве востоковедов ИВР РАН хранится коллекция личных архивных материалов Нины Павловны Шастиной¹, крупнейшего специалиста в области изучения монгольской истории, историографии и востоковедной науки в России. Материалы зарегистрированы в журнале поступлений под № 161, им присвоен шифр: фонд № 146 (личный фонд Н. П. Шастиной).

В настоящее время ведется работа по разбору и систематизации этих материалов для составления внутренней описи личного фонда Н. П. Шастиной. В процессе работы над коллекцией были выявлены материалы Г. И. Михайлова², известного ученого в области монгольской филологии, в виде воспоминаний о годах учебы, о своих преподавателях и коллегах Б. Я. Владимирцове (1884–1931), Г. Е. Грумм-Гржимайло (1860–1936), А. В. Бурдукове (1883–1943),

С. А. Козине (1879–1956), Н. Н. Поппе (1897–1991) и Г. Н. Румянцеве (1903–1966). Сам Георгий Иванович в письме к Н. П. Шастиной определяет свои мемуары как заметки к истории монголоведения в России, которые, возможно, «помогут представить обстановку» тех лет и обыденную жизнь этих интересных людей с непростыми судьбами, посвятивших себя изучению монголоведной науки. Хронологически эти материалы охватывают почти 40 лет, с 1926 по 1967 г. В них автор описывает свои наблюдения из жизни студенческих лет, годы учебы Г. И. Михайлова в Ленинградском восточном институте им. А. С. Енукидзе³ (ЛВИ) на монгольском разряде приходится на 1926–1930 гг. В это время основным преподавателем монгольского языка в ЛВИ был Б. Я. Владимирцов, выдающийся ученый, академик у которого была своя методика обучения. Лекции по истории, географии,

¹ Нина Павловна Шастина (1898–1980) — монголовед, филолог, кандидат исторических наук.

² Георгий Иванович Михайлов (1909–1981) — монголовед, специалист в области монгольского литературоведения и фольклористики, выпускник Ленинградского восточного института. Автор нескольких десятков монографий и статей по истории монгольской литературы [Раднаев, 2012. С. 216–217].

³ Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе был основан в 1920 г. Основная задача института заключалась в подготовке специалистов для практической деятельности на Востоке и в связи с Востоком, а также научных работников для востоковедных вузов и научных учреждений. Восточный институт был закрыт в июне 1938 г. после арестов многих преподавателей и студентов института [Кононов, Иориш, 1977. С. 22–23, 89–91].

антропологии и этнографии монголов читал Г. Е. Грумм-Гржимайло. А. В. Бурдуков вел курс разговорного монгольского языка. С. А. Козин преподавал монгольский письменный язык. Что касается Н. Н. Поппе, то с этим ученым он познакомился позже, и в процессе работы ему часто приходилось лично встречаться, общаться, о нем и о его деятельности у Георгия Ивановича сложилось свое личное мнение, которое он представил в своих мемуарах. Г. Н. Румянцев автор называет «однокурсником» или однокурсником. Они вместе начинали учиться в ЛВИ и были хорошими друзьями. Свои воспоминания о Г. Н. Румянцеве Георгий Иванович в память о дружбе с ним написал после его смерти в 1966 г. Язык мемуаров Г. И. Михайлова доступен и прост, автор попытался передать читателям максимально точно темы своих разговоров с тем или иным ученым, рассказать об условиях повседневной жизни как на службе, так и дома. Ему удалось показать своих учителей и коллег и как ученых, и как обыкновенных людей со своими человеческими качествами. Материалы Г. И. Михайлова в личном фонде Н. П. Шастиной будут находиться в разделе «Труды других лиц». Надо отметить, что изначально мемуары о Б. Я. Владимирцове автор преподнес Нине Павловне в качестве подарка на ее день рождения с обещанием присылать ей свои следующие «заметки». Таким образом, мы имеем возможность познакомиться с очень интересными фактами из жизни Г. И. Михайлова.

Воспоминания публикуются с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Пагинация полистная.

<1> Письмо Г. И. Михайлова Н. П. Шастиной

Дорогая Нина Павловна.

Вы наш Нестор⁴ (монголоведный, конечно), занятия сейчас составлением истории советского монголоведения за пятьдесят лет. Поздравляю Вас с очередным днем рождения, подношу ту часть моих мемуаров (из-за смерти П. Е. Скачкова⁵, оставшиеся неопубликованными), которая посвящена Борису Яковлевичу Владимирцову⁶. Материалов для истории монголоведения здесь слишком мало, но все же мои заметки помогут Вам более живо представить обстановку двадцатых годов. Позволит время, оформлю и некоторые другие мои заметки такого же рода.

Придя в Ленинградский восточный институт в 1926 г., я встретился со своими учителями. Б. Я. Владимирцов, который больше других потрудился, чтобы сделать нас хорошими монголистами, начал свой

⁴ Автор сравнивает Нину Павловну с древнерусским летописцем Нестором (ок. 1056–1114).

⁵ Петр Емельянович Скачков (1892–1964) — советский востоковед, синолог, экономист [Милицанд, 2008. Кн. 2. С. 359–360].

⁶ Б. Я. Владимирцов (1884–1931) — российский монголовед, академик АН СССР [Милицанд, 2008. Кн. 1. С. 255–257].

курс с большим опозданием. Потом мы узнали, что он ездил в Монголию, поэтому приступил к работе позже других наших преподавателей. Вступительную лекцию, если мне не изменяет память, Борис Яковлевич читал чуть ли не в конце октября.

Случались перерывы в наших занятиях еще несколько раз. В таких случаях студенты говорили:

— Плохо готовимся, вот Борис Яковлевич и не ходит на занятия.

Правда, что готовились мы не всегда хорошо, но перерывы эти обусловлены, видимо, другими обстоятельствами. Полагаю, Борис Яковлевич, когда писал что-то значительное⁷, просто выключался из педагогического процесса. Закончив же работу, возвращался в аудиторию.

— Язык нужно брать штурмом, — не раз говорил наш учитель. Соответственно он и действовал, вел нас на штурм, и мы штурмовали язык как могли.

После вступительной лекции Борис Яковлевич несколько приемов познакомил своих слушателей с монгольским алфавитом, прочел ряд лекций по грамматике, поупражнял в чтении и однажды сказал:

— Читать вы теперь умеете, грамматику знаете, словари я вам указал. Возьмите рассказ о женщине и лисице из «Панчатантры»⁸ и переведите, кто сколько может и сколько хочет.

Такие задания были характерны для Бориса Яковлевича, он никогда не задавал «от сих до сих». Этому примеру следовали и его помощники.

Нам казалось, что за несколько месяцев мы мало успели, на каждом шагу ощущали свою беспомощность. И вдруг в конце первого года <2> обучения получили совершенно неожиданное задание:

— Напишите на монгольском языке письмо о том, как вы провели летние каникулы, — сказал Борис Яковлевич в конце одного из занятий.

Многим такое задание показалось непосильным. Не помню сейчас, были ли другие письма, а я свое Борису Яковлевичу отдал. Через некоторое время поинтересовался, какое впечатление произвело на него мое сочинение.

— Есть ошибки, — ответил он, — но все же понятно, о чем идет речь.

Применял Борис Яковлевич и другие приемы активации наших знаний. После того как у слушателей накопится значительный запас их и они научатся

⁷ В 1926 г. была опубликована работа Б. Я. Владимирцова «Образцы монгольской народной словесности (С–З. Монголия)». Ленинград: Издание Ин-та живых вост. яз. им. А. С. Енукидзе.

⁸ «Панчатантра» — памятник санскритской повествовательной прозы, получивший широкое распространение во всей мировой литературе. Монгольский сборник рассказов из «Pancatantra», изданный Б. Я. Владимирцовым в 1921 г. в Петрограде, является исследованием литературного памятника монгольской письменности и содержит перевод на русский язык 17 рассказов, первым в списке поставлен сказ о женщине и лисе [Владимирцов, 2003. С. 79, 174–175].

оперировать ими, Б. Я. Владимирцов часто предлагал им отдельные предложения какого-нибудь текста передать по-халхаски. Легче справлялись с такими задачами буряты, а русским было гораздо труднее.

Каждому преподавателю приходится сталкиваться с так называемыми типичными ошибками учащихся. Много сил уходит на то, чтобы искоренить их. Боролся с типичными ошибками и Борис Яковлевич, пользуясь при этом оригинальными приемами. Знакомя с одной из глагольных форм, он рассказал нам, как она образуется и употребляется, каково ее значение, а затем, хитро улыбнувшись, дал дополнительную «характеристику»:

— Что же еще сказать? Уже пятнадцать лет преподаю, и студенты обычно ее не знают.

— Те не знали, а мы будем знать, — мелькнула у нас мысль.

Добросовестно заучили материал, но все же, когда Борис Яковлевич спрашивал про эту форму, часто не могли дать четкий ответ.

То же самое наблюдалось и при изучении орфографии. Простое слово *зурх* на письме приобретало форму *джирухэн* [‘сердце’], *зургаа* — *джиргуган* [‘шесть’]. А Борис Яковлевич часто спрашивал, как они (и некоторые другие) пишутся. Стоило нам что-нибудь перепутать, он с добродушной улыбкой замечал:

— Ну как можно не запомнить такое?

Учебников монгольского языка у нас в то время не было, появились они только в тридцатых годах. Мы же читали оригинальные тексты и штудировали научные грамматики. Отсутствие учебников объяснить трудно. Быть может, у Бориса Яковлевича, занятого в то время <3> «Сравнительной грамматикой»⁹ и «Общественным строем монголов»¹⁰, просто не доходили руки до них. Возможно, Борис Яковлевич не считал необходимым прибегать к помощи учебников.

Более правильным кажется второе предположение. Поскольку Б. Я. Владимирцов преподавал более пятнадцати лет, он мог бы, если бы считал это нужным, составить не один учебник. Подтверждением правильности этого предположения может служить и вся методика Бориса Яковлевича. Нетрудно понять, что для штурма языка учебник мало приспособлен, он рассчитан скорее на осаду. С другой стороны, Борис Яковлевич не боялся бросать в воду начинающего пловца.

А учебника от него институт ждал. На обложке одного из изданий Ленинградского восточного института было напечатано: «Представлены для напечатания: Б. Я. Владимирцов. Учебник монгольского языка (халхаское наречие и монгольский литератур-

ный язык)». Однако рукопись в издательство, по-видимому, не поступила, иначе мы этот учебник имели бы.

О преимуществах той или иной методики преподавания языка можно спорить. Каждая из них имеет и свои сильные, и свои слабые стороны. Безусловно, отсутствие учебников создавало известные трудности для учащихся. Легче, понятно, читать составленные или адаптированные тексты, да и к словарям не нужно обращаться. Но оригинальные тексты и научные грамматики дают возможность преподавателю с самого начала погрузить слушателя в языковую стихию.

Я далек от того, чтобы рекомендовать методику Бориса Яковлевича в качестве универсальной. Нет, она, естественно, не для всех подходит. Я хотел только сказать, что в руках Бориса Яковлевича она была действенным оружием и давала хорошие результаты.

Курс монгольского языка Борис Яковлевич строил на большом и разнообразном материале. Мы читали с ним и его помощниками произведения фольклора и художественной литературы, политико-экономические тексты и деловые бумаги. Монгольским языком Борис Яковлевич считал письменный, а живые языки — диалектами его. Учительная, что на практической работе (да и в научной сфере) его ученикам придется иметь дело с «диалектами», он нас знакомил с халх-монгольским, ойратским и бурятским языками.

Словом, основы для практической и научной работы закладывались хорошие, а дальнейшее зависело уже от самих воспитанников института. Если у кого-нибудь получалось в дальнейшем плохо, мог винить только себя. <4> Б. Я. Владимирцов — крупный ученый. Если к трудам некоторых наших предшественников мы обращаемся ради имеющихся там материалов, то у Бориса Яковлевича нас интересуют и материалы, и исследования. Характерно, что и через три с половиной десятка лет, прошедших под знаком больших перемен, Б. Я. Владимирцов остается нашим современником. «В свое время эта книга сыграла большую роль» — говорят иногда о старых исследованиях. Работы Бориса Яковлевича в подобных оговорках не нуждаются, они способствовали развитию науки «в свое время», помогают разобраться в сложных вопросах монгольской филологии и истории и в наше время.

Разговоры об идеализме Бориса Яковлевича основаны на недоразумении. А такой упрек был брошен Якубовским¹¹ при обсуждении в Институте востоковедения АН СССР книги «Общественный строй монголов». При этом рецензент сослался на «Чингис-хана»¹² Б. Я. Владимирцова.

⁹ Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Изд-во ЛВИ им. А. С. Енукидзе, 1929.

¹⁰ Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934.

¹¹ Александр Юрьевич Якубовский (1886–1953) — специалист по истории Средней Азии, профессор, член-корреспондент РАН. С 1933 по 1938 г. работал в Институте востоковедения АН СССР [Милибанд, 2008. Кн. 2. С. 723–724].

¹² Владимирцов Б. Я. «Чингис-хан». Издательство З. И. Гржебина. Берлин; Петербург; Москва, 1922.

Можно в этой книге найти и идеализм, и еще что-нибудь в таком роде, если не считаться с жанровыми особенностями ее. При чтении «Чингис-хана» создается впечатление, что книга эта является не столько исследованием, научным трудом, сколько литературным произведением. Автор изображает создателя монгольской империи таким, каким он представлялся монголам XII–XIII вв. И быть может, самому Чингис-хану. Вот почему Борис Яковлевич использовал как подлинные факты, так и исторические легенды, не проводя между ними резкой грани. По всей вероятности, легенды-то и дали повод для разговоров об идеализме Б. Я. Владимирцова.

Сравнивая «Чингис-хана» с «Общественным строем монголов», рецензент установил большой сдвиг в мировоззрении автора этих трудов. В действительности же, видимо, эти книги представляли собой разные стадии работы над избранной для исследования проблемой. Борис Яковлевич начал с реконструкции «автобиографии» Чингис-хана, а кончил исследованием общественного строя монголов.

Борис Яковлевич был беззаветным слугой науки, ее интересы всегда стояли у него на первом плане. Он постоянно выискивал людей, которые могли бы заниматься монголоведением, помогал им расти, совершенствоваться. А. В. Бурдуков¹³ известен был науке и раньше, но только Б. Я. Владимирцов сумел извлечь его из захолустья и сделать своим помощником. Алексей Васильевич оказался в высшей степени полезным человеком не только для монгольского разряда, но и для всего <5> института, поскольку принимал самое активное участие в общественной жизни, работал членом локального бюро СНР [студенческий научный разряд] и т. д.

С. А. Козин¹⁴ занимал скромную должность в учебной части Института. Человек умный, политически мыслящий, он прекрасно понимал, что при сложившихся обстоятельствах бывший крупный царский чиновник не мог претендовать на многое. Тем не менее прошлое, по-видимому, все же стало помехой для работы в учебной части института, от должности Сергей Андреевич был освобожден.

Вскоре после этого он появился у нас в аудитории и стал проводить практические занятия. Одновременно он работал по совместительству также в Азиатском музее АН СССР¹⁵.

Таким поворотом в своей судьбе, оказавшейся было немилостивой, С. А. Козин обязан хлопотам Бориса Яковлевича, взявшего его под свою опеку в обоих местах. Правда, Сергей Андреевич имел за-

щитника еще в лице В. М. Алексеева¹⁶, своего бывшего однокурсника. Вероятно, в устройстве С. А. Козина принял участие и Василий Михайлович.

Впервые попав в аудиторию, Сергей Андреевич уверенно повел дело, с первых же дней зарекомендовав себя хорошим преподавателем. Мы к тому времени не были уже новичками, тем не менее в восполнении кое-каких пробелов нуждались. После нескольких занятий С. А. Козина все у нас стало на свои места.

Успешно проходила работа Сергея Андреевича и в Азиатском музее. Он много лет трудился, изучая историческое сочинение «Сокровенное сказание монголов»¹⁷, а также эпические произведения Гэсэриада и Жангариада¹⁸. Его труды, посвященные исследованию этих трех произведений, имеют и свои и сильные, и слабые стороны, но все же являются вкладом в науку.

Много внимания уделял Борис Яковлевич молодежи. Под его руководством работали Н. Н. Бабынин и В. А. Казакевич¹⁹. Первый из них, правда, большей частью выполнял организационные функции — заведовал монгольским сектором, позже — монгольским кабинетом. К тому же он рано покинул наш мир. Второй же стал преподавателем института, вел один из курсов монгольского языка. Работал он и в Азиатском музее. Нам довелось заниматься с ним на четвертом курсе (1929–1930).

Он обещал стать умелым преподавателем. Успешно начинал В. А. Казакевич и научную деятельность, опубликовав ряд интересных работ. Его работа о дариганском диалекте долгое время оставалась уникальной.

<6> Принимал В. А. Казакевич активное участие и в общественной работе. Он шефствовал над студенческим научным кружком монголистов, о чем речь будет ниже, исполнял обязанности секретаря Ассоциации монголоведения при Институте восто-

¹⁶ Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) — китаевед, профессор, доктор филологических наук, академик РАН.

¹⁷ Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un niᠦᠴa tobᠴiᠦ᠋ᠭᠠᠨ*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / отв. ред. А. П. Баранников; предисл. Н. Н. Поппе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с. (Труды Ин-та востоковедения АН СССР. XXXIV).

¹⁸ Козин С. А. Гесэриада. Сказание о милостивом Гесер Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах / пер., вступ. ст., коммент. С. А. Козина // Труды Ин-та антропологии, этнографии и археологии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935–1936. Т. VIII. Фольклорная серия. № 3.

Джангариада. Героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

¹⁹ Владимир Александрович Казакевич (1896–1937) — монголовед, специалист в области монгольского языка и истории [Милибанд, 2008. Кн. 1. С. 578–579].

¹³ Алексей Васильевич Бурдуков (1883–1943) — советский монголовед, общественный деятель [Милибанд, 2008. Кн. 1. С. 202].

¹⁴ Сергей Андреевич Козин (1879–1956) — русский монголовед, литературовед [Милибанд, 2008. Кн. 1. С. 653–654].

¹⁵ В настоящее время Институт восточных рукописей РАН.

коведения АН СССР, принимал участие в проведении эпизодических мероприятий. Однажды объявили об экскурсии в буддийский храм. Объяснения, как нам сообщили, будет давать профессор. Этим «профессором» оказался В. А. Казакевич. Он согласился часть выходного дня посвятить выполнению общественного поручения.

Все у человека, казалось бы, складывалось хорошо, Борис Яковлевич его ценил и всячески помогал ему расти. Но В. А. Казакевич жил в постоянной тревоге за свое прошлое — он был флотским офицером в старое время. Мне его тревоги казались необоснованными. Мало ли, думал я, было офицеров в годы первой мировой войны, не все же они должны подвергаться преследованиям. Меньше всего, полагал я, заслуживает репрессий В. А. Казакевич. Однако в данном случае восторжествовала не логика, а предчувствие, человек погиб.

Внимательно присматривался Борис Яковлевич и к студентам. Он заботливо поддерживал тех, кто по настоящему искал, и решительно, даже беспощадно пресекал всякие «мудрствования от лукавого».

В 1927 или 1928 г. имел место эпизод, при воспоминании о котором у меня до сих пор горят уши. Уже в то время Борис Яковлевич интересовался проблемой зарождения и эволюции монгольского феодализма. Расписание у нас не было перегруженным, что давало нам возможность заниматься факультативно. Случалось мне бывать на занятиях Б. Я. Владимирцова и в монгольском семинаре нашего института, и в Ленинградском государственном университете. В данном случае дело было на занятиях монгольского семинара. Речь зашла об общественных отношениях монголов в XII в. Борис Яковлевич, опираясь на данные «Сокровенного сказания», показывал процесс феодализации. А пишущий эти строки, используя тот же источник, доказывал, что у монголов в то время были родовые отношения.

И не в том беда, что я спорил с Б. Я. Владимирцовым, споры всегда допускались. Беда была в том, что спорил я очень горячо, запальчиво, излишне эмоционально.

Однако моя горячность ничуть не смутила Бориса Яковлевича. Казалось, своими репликами он умышленно подзадоривал меня. Намного позже я понял, чем вызвано столь терпимое отношение Б. Я. Владимирцова <7> к своему оппоненту. И понял это, когда слушал разговор Бориса Яковлевича с одним нашим студентом. Товарищ Н. (назовем его так) стал излагать свои соображения по поводу этимологии слова арбан (десять).

— В памятниках квадратной письменности, — говорил он, — это слово имеет инициальное *h*, следовательно, *harban* можно разложить на *har*+*ban*, где *har* означает рука, а *ban* — безличное притяжение. Рука имеет пять пальцев, а две руки — десять. «Руки свои» дало числительное арбан (десять).

Борис Яковлевич был человеком спокойным, уравновешенным, мягким, тактичным, но тут он изменил себе и дал Н. такую отповедь, что на незадач-

ливого «этимологиста» больно было смотреть. Таким резким нашего учителя мы никогда не видели, да и не хотелось бы видеть.

В споре по поводу общественных отношений монголов XII в. обе стороны опирались на реальные факты, у каждого из спорящих была какая-то доля правды, ибо речь шла об эпохе, когда совершался переход от родового строя к феодализму. Этимология же Н. не имела ничего рационального, находилась за пределами подлинной лингвистики.

Здесь уместно вспомнить и другой случай. Студент Ш. поступил в наш институт не вполне, видимо, по собственному желанию или без определенно выраженного желания. Занимался поэтому без особого усердия, не проявлял ни способностей, ни прилежания. Год Борис Яковлевич к нему присматривался, а потом без сожаления провалил на очередной зачетной сессии (экзаменов тогда в высших учебных заведениях не было). Насколько мне известно, это был единственный случай такого рода в практике Б. Я. Владимирцова.

А потерпевший? Он, вероятно, даже не чувствовал себя таковым. Позже Ш. стал военным работником, на этом поприще он достиг большего.

Многие наши студенты стремились как-то приобщиться к научно-исследовательской работе. В этом много помогали им научные студенческие кружки на разрядах. В общеинститутском масштабе этими кружками руководил Н. И. Конрад²⁰, бывший одно время проректором по учебной и научной части института. На монгольском же разряде такого рода работу возглавлял пишущий эти строки.

На заседаниях кружка студенты выступали с докладами и сообщениями на различные темы. Случалось нам слушать и старших товарищей. Участниками некоторых наших заседаний были А. В. Бурдуков, А. И. Востриков²¹, В. А. Казакевич. <8> Последний больше всего помогал нам в организации научной работы. Выступал иногда и Б. Я. Владимирцов. В таких случаях заседания кружка вызывали наибольший интерес у студентов монгольского разряда.

В стенах институтского общежития писались работы о шаманизме аларских бурят Г. Д. Санжеева²² и о пере²³ на монгольских посланиях А. Богданова²⁴. Обе они увидели свет, причем последнюю

²⁰ Николай Иосифович Конрад (1891–1970) — японовед, китаевед, профессор, доктор филологических наук, академик АН СССР [Милибанд, 2008. Кн. 1. С. 678–681].

²¹ Андрей Иванович Востриков (1902–1937) — тибетолог, индолог, монголовед, буддолог [Милибанд, 2008. Кн. 1. С. 278].

²² Санжеев Г. Д. Песнопения аларских бурят // Зап. Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее АН СССР. Т. III. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 459–552.

²³ Имеется в виду перо, которое прикрепляли к депешам в знак особой срочности послания. (Примеч. С. С.)

²⁴ Богданов А. К. К значению слова *jigir-ē ayuŋan* в письме иль-хана Аргуна к Филиппу Красивому // Доклады

Б. Я. Владимирцов нашел возможным рекомендовать к опубликованию в докладах Академии наук СССР.

Вообще Борис Яковлевич не упускал возможности помочь человеку, если у него обнаруживались способности к научно-исследовательской работе. Как только Г. Д. Санжеев окончил институт, Б. Я. Владимирцов устроил его в Ленинградский университет преподавать маньчжурский язык. Слушателей монгольского семинара, которым руководил Борис Яковлевич, он брал в научные экспедиции, под его руководством они получали навыки полевых исследований, собирали материалы, которые позже публиковались.

Очень многим и я обязан Борису Яковлевичу. Наш институт в двадцатых годах быстро рос. Руководству и профессорско-преподавательскому коллективу его, учитывая перспективы, пришлось подумать о наилучших способах подготовки кадров для научно-педагогической деятельности. Возникла идея о выдвижении наиболее способных для такого рода работы студентов старших курсов. В списке студентов-выдвиженцев (так их тогда называли) была фамилия и одного монголиста, автора данных заметок. Для нас организовали дополнительные занятия, снабжали бесплатно институтскими изданиями и установили повышенную стипендию. А когда сошлись ответственные совещания, мы также получили приглашение.

Мне казалось, что этой честью я обязан обществу. Такое убеждение сохранялось, пока учебная часть не собрала нас на совещание. Тогда молодежь мало интересовалась лингвистикой. Из моих однокурсников, кажется, только А. Н. Кононов²⁵ изъявил желание идти по этой стезе. Я, например, интересовался проблемами (модными и в настоящее время) экономики. А на совещании узнал, что меня числят, как выразился организатор совещания, «язычником».

— Почему «язычником»? — запротестовал я.

— Поскольку рекомендовал Борис Яковлевич Владимирцов, мы и зачислили Вас по его «ведомству».

<9> А между прочим, не очень много есть людей, которые были бы так далеки от «ведомственных» соображений, как Борис Яковлевич. Не руководствовался он такими соображениями и в данном случае, предоставив неопиту самому сделать выбор будущей специальности.

Вскоре после этого мне представилась возможность убедиться, что человека, на котором остановил свой выбор Борис Яковлевич, он не выпускал из поля своего зрения. Окончив институт, я собрался ехать в Монголию. В это время Географическое общество устроило посвященное памяти Пржевальско-

го²⁶ заседание с докладами Комарова²⁷, П. К. Козлова²⁸ и, кажется, Семенова-Тяньшаньского²⁹. Там я встретился с Б. Я. Владимирцовым.

— Не имеете ли Вы желания заняться научной работой, — спросил он меня.

— Я бы хотел, но есть обстоятельства, препятствующие этому!

— Ну, обстоятельства можно урегулировать.

— Если так, я согласен.

— Как долго собираетесь пробыть в Монголии? — перешел Борис Яковлевич к другой теме.

— Один год.

— Год много, — возразил Б. Я. Владимирцов, достаточно пробыть лето.

— Что же можно сделать за лето? Это будет туризм, а не практика, — не согласился я с Борисом Яковлевичем.

— Лето — это до зимы, — пояснил свою мысль мой собеседник.

Так протекала моя последняя беседа с Б. Я. Владимирцовым. Я все же поехал на год, а пробыл в Монголии даже несколько больше. Из Монголии я написал ему письмо, получил ответ. Второй раз написать как-то не удалось. А в августе 1931 г. мы получили от А. В. Бурдукова телеграмму, извещавшую о смерти Бориса Яковлевича. Алексей Васильевич сообщал буквально следующее: «Сегодня скончался Борис Яковлевич Владимирцов. Бурдуков». Тут, как говорят, ни убавить, ни прибавить. Несколько самых простых слов, а как они нас потрясли.

Стали составлять ответную телеграмму. Самым находчивым оказался С. Приезжев³⁰, человек неглупый, но очень ортодоксальный. Его редакция была принята без возражений, но и без особого энтузиазма. Та часть телеграммы, в которой выражалась наша скорбь, была вполне приемлемой, а оговорка о наличии некоторых элементов консерватизма в педагогической и научной деятельности покойного оставляла неприятный осадок.

<10> Через несколько дней пришло от Алексея Васильевича Бурдукова письмо, из которого мы узнали об обстоятельствах смерти нашего учителя.

Умер Борис Яковлевич очень рано, прожив всего каких-то сорок семь с лишним лет. Мы, конечно, обращали внимание на тучность Б. Я. Владимирцова, но не думали, что здесь таится серьезная опасность. Да и сам Борис Яковлевич беспокоился больше по поводу все ухудшавшегося зрения. Умер он, как

²⁶ Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888) — путешественник, географ, натуралист.

²⁷ Владимир Леонтьевич Комаров (1869–1945) — ботаник, географ, путешественник и организатор науки.

²⁸ Петр Кузьмич Козлов (1863–1935) — путешественник, географ, археолог, этнограф.

²⁹ Вениамин Петрович Семенов-Тяньшанский (1870–1942) — географ, геолог, статистик, профессор.

³⁰ Приезжев — инструктор ЦК МНРП [Кузьмин, 2016. С. 382].

принято в подобных случаях говорить, на посту: удар наступил в то время, когда он направлялся из Сиверской³¹ в город, чтобы принять участие в работе очень важного совещания в институте.

Потеря была большая. Борис Яковлевич интересовался самыми разнообразными проблемами. Он был одновременно и лингвистом, и литературоведом, и историком, и этнографом. Ему одинаково близки были судьбы всех монгольских народов. Борис Яковлевич изучал язык, литературу, историю и культуру в широком смысле слова халх-монголов, бурят, ойратов и калмыков.

Большинство работ Бориса Яковлевича относится к советскому периоду. За десять с лишним лет он написал столько, сколько иной не напишет и за двадцать. Трудно даже представить себе, сколько он мог бы сделать для науки, если бы не скоростная смерть. «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» и «Общественный строй монголов» остались незаконченными. Последнему труду, правда, удалось наследникам придать по сохранившимся рукописям законченный вид, а с грамматикой ничего нельзя было сделать из-за отсутствия каких-либо черновиков.

Борис Яковлевич Владимирцов пользовался вполне заслуженной известностью как в Советском Союзе, так и далеко за пределами его. Конечно, советская наука за последние десятилетия добилась больших успехов. В настоящее время мы знаем об истории, языке, литературе и культуре монгольских народов гораздо больше, чем знали наши предшественники полсотни лет назад. Тем не менее труды Бориса Яковлевича, публиковавшиеся несколько десятков лет назад, до сих пор не утратили своего значения. И сегодня Борис Яковлевич — живет многих живых.

Г. Михайлов

18/XII/1966 г.

<11> Н. П. Шастиной

Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло

Когда мы, новые студенты, приступили в 1926 г. к занятиям, Борис Яковлевич был в Монголии, наше монголоведное образование начинал поэтому Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло, последовательно читавший курсы географии Монголии, истории монголов, географии Центральной Азии и антропологии и этнографии монголов.

Знаменитый русский путешественник, заслуженный деятель науки РСФСР, до 1917 г. он был камергером императорского двора, каковым по убеждениям своим оставался до конца жизни. В 1926 г. Григорий Ефимович казался уже дряхлым стариком, с трудом добирался до института, а во время лекций устраивал себе время от времени краткосрочные передышки. Для этого он помещал ладони, сложенные вместе, между колен, опускал, закрыв глаза, голову

на грудь и в таком положении находился минуту или две. Затем продолжал чтение лекции.

В его возрасте менять убеждения человеку, конечно, трудно. Студентов он по старинке называл господами, история для него была историей ханов и их деяний, а Тангудское (Тангутское) царство³² представлялось нашему профессору идеальным. Когда речь заходила об этом царстве, Григорий Ефимович всегда подчеркивал, как хорошо там жилось ученым. Мы терпеливо выслушивали такого рода высказывания, а студенты, пришедшие в институт двумя годами позже, уже спорили с ним. При этом они ссылались на случай с академиком И. Павловым³³.

— Ему, — говорили слушатели своему профессору, — мешал работать трамвай. Тогда органы советской власти перенесли трамвайную линию на другую улицу.

Впрочем, иногда и у нас не хватало терпения. В 1929 г. я сдавал зачет по истории монголов. Как на грех, Григорий Ефимович все <12> спрашивал о так называемом «темном» периоде (или периоде «малых ханов», по китайской терминологии), когда правили мелкие ханы, сменяя один другого через каждые несколько лет. Так Ойрадай правил один год; Улуй-Томор хан — три года, Тогоон хан — четыре года, Дэлбэг хан — пять лет и т. д. Попробуйте-ка запомнить все эти имена (впрочем, Григорий Ефимович отлично их помнил, лекции читал без конспектов), если многие носители этих имен известны только тем, что в таком-то году взошли на престол, а в таком-то году умерли или были убиты.

Григорий Ефимович стал меня корить:

— Что ж вы, молодой человек, собираетесь стать монголистом, а истории монголов не знаете!

— Была бы история монголов, — буркнул экзаменующийся.

— А что же это по-Вашему?

— История ханов, какая-то уголовная хроника покушений, убийств, смертей.

— А, Вы это насчет марксизма! Так марксизм изжил себя. Вот в Америке построили электростанцию, и там нет рабочих, всем управляет один инженер.

По поводу такого понимания марксизма я спорить не стал, и разговор наш закончился, мне пришлось смириться с необходимостью еще раз штудировать материал.

А потом выяснилось, что Г. Е. Грумм-Гржимайло отправился в учебную часть и рассказал там о нашей

³² Государство тангутов (1038–1227) на территории современных китайских провинций Шэньси и Ганьсу.

³³ Иван Петрович Павлов (1849–1936) — физиолог, лауреат Нобелевской премии по медицине 1904 г., в годы гражданской войны из-за отсутствия финансирования исследований находился в трудном материальном положении, но не уехал из страны. Вскоре в деревне Колтуши недалеко от Ленинграда был построен институт, в котором академик проработал до 1936 г.

³¹ Сиверская — железнодорожная станция на линии С.-Петербург — Луга.

стычке. После этого у меня состоялся разговор с проректором.

— Значит, пожаловался? — спросил я.

Но проректор заверил, что жалобы не было, просто Григорий Ефимович передал содержание нашего разговора.

<13> — Ладно, — пообещал я, — заучу и на следующей неделе сдам зачет.

— Я не настаиваю на сроках сдачи, — ответил проректор, — но прошу не вступать в споры с профессором. Нам известно, что его лекции не всегда удовлетворяют студентов. Мы даже советовали Григорию Ефимовичу не приезжать в институт, когда ему трудно это делать.

Через неделю я снова встретился с Г. Е. Грумм-Гржимайло (он приезжал в институт раз в неделю). О злосчастных ханах вопрос больше не поднимался, а исторические события мне были хорошо известны, зачет был сдан.

Тот факт, что Григорий Ефимович оставил в стороне «малых» ханов и спрашивал об исторических событиях, свидетельствовал об известной чуткости его к новым веяниям. По-видимому, он не хотел вступать в конфликт с современностью.

После этого Григорий Ефимович читал нам курс антропологии и этнографии монголов. Расстались мы с ним весной 1930 г. наилучшим образом. Г. Е. Грумм-Гржимайло был сторонником расовой теории. Он подробно рассказывал нам о длинноголовых и круглоголовых. Первые, по его мнению, всегда были господами, а вторые — рабами.

— При раскопках захоронений, — говорил он студентам, — рядом со скелетом длинноголового мужчины находят скелет круглоголовой женщины. Это значит, что длинноголовые покоряли круглоголовых и брали себе их женщин.

Чингисидов³⁴ наш профессор пытался связать с белокурыми, голубоглазыми, благородными динлинами³⁵.

— До сих пор, — говорил он нам, — среди монголов и бурят встречаются рыжеволосые люди.

При сдаче зачета по антропологии и этнографии монголов я указал ему статью в энциклопедии Брокгауза и Эфрона, в которой говорилось <14> о том, что среди калмыков также встречаются рыжеволосые. Это сообщение сильно заинтересовало Григория Ефимовича.

³⁴ Чингисиды — прямые потомки Чингис-хана (1206–1227).

³⁵ Белокурая раса, динлины китайцев, была на заре китайской истории широко распространена в Средней Азии. Китайские летописцы знают народы *да*, *дали* и *динлин* в долине р. Хуанхэ. По-видимому, это варианты произношения одного этнонима. Динлины по своим физическим признакам и психическим особенностям принадлежали к той же белокурой расе, которая некоторыми антропологами считается первобытной в Европе [Грумм-Гржимайло, 1926. Т. II. С. 34–35, 38].

Так я загладил свое невольное прегрешение перед Г. Е. Грумм-Гржимайло.

Впрочем, грех был не таким уж большим. Григорию Ефимовичу на приходило в голову менять свои убеждения, и от нас он ничего такого не ждал. А когда обе стороны понимают друг друга, отношения у них устанавливаются разные. И у нас с Г. Е. Грумм-Гржимайло отношения установились хорошие, никаких серьезных претензий он к нам не имел, о чем и заявил однажды публично и официально.

В один из обычных дней случилось так, что мы ждали Григория Ефимовича, ждали его и студенты второго курса. Не помню точно, к кому по расписанию должен был пойти профессор. Кажется, все же к второкурсникам, а у нас в это время было «окно». Мы перехватили Григория Ефимовича и повели в свою аудиторию. Наши старшие товарищи осерчали и написали в стенную газету заметку о том, что Михайлов фамильярно обращается к профессору, говорит ему «ты» и еще что-то в этом роде.

В институте поднялся переполох. На доске объявлений появилась бумажка, прочтя которую, я узнал, что студент Михайлов вызывается к ректору П. И. Воробьеву³⁶. Указывались день и час, когда должен был состояться этот неприятный для меня разговор.

Представители студенческой общественности, занимавшиеся моим вопросом, обратились к Григорию Ефимовичу, чтобы он подтвердил или опроверг то, что писали авторы заметки. На это он ответил, что ничего, кроме предупредительного отношения, от студентов он не видел.

Моя беседа с ректором по этому поводу не состоялась, а Ильин, один из авторов заметки, принес свои извинения.

<15> Мы отдавали себе отчет в том, что Григорий Ефимович — маститый ученый, прекрасно знающий свой предмет. Ведь на лекциях по географии Монголии, географии Центральной Азии и антропологии и этнографии монголов он нам говорил о том, что видел своими глазами. Правда, угол зрения его был устаревшим, мало соответствовавшим новой эпохе. Тем не менее его лекции мы слушали внимательно, стремясь записать каждое слово профессора. Многие из нас постарались приобрести работы Г. Е. Грумм-Гржимайло, его книга «Западная Монголия и Урянхайский край» стоит у меня на полке уже сорок лет. Этот труд Григория Ефимовича в свое время подвергался резкой критике, и для критики были основания. Однако даже самые строгие критики признавали, что этот труд содержит большое количество ценных данных.

Лекции Г. Е. Грумм-Гржимайло читал довольно монотонно и, я сказал бы, не без натуги. Кто старался подробно записывать лекции, мало это замечал. Впрочем, ораторским искусством обладали далеко не все наши учителя. Не очень внятно читал Н. Кю-

³⁶ Павел Иванович Воробьев (1892–1937) — востоковед, музеевед, организатор науки.

нер³⁷, трудно было слушать В. В. Бартольда³⁸. Подавляющее большинство студентов считали, что легче проштудировать книгу В. В. Бартольда «Введение в изучение Востока в Европе и России», чем слушать его лекции. Поэтому лекции В. В. Бартольда посещали лишь отдельные энтузиасты.

Темпераментным лектором был Н. Я. Марр³⁹. Однако именно поэтому мы мало понимали его. У него мысль обгоняла слова, слова не поспевали за мыслями. Мешала следить за ходом мысли лектора его постоянная полемика с индоевропейцами. К тому же в русской речи Николая Яковлевича время от времени появлялись элементы его родного языка. Некоторые из наших студентов пытались записывать лекции Николая Яковлевича, но ничего из этого не получалось.

<16> Сейчас наши специалисты по педагогике придают большое значение наглядности обучения. У нас же не было наглядных пособий (как, впрочем, и учебников). Даже лекции по географии читались без карты, без карты сдавали мы и зачеты. Один раз, правда, Григорий Ефимович принес фотографию и показал нам.

— Вот пестрая лань, от которой монголы ведут свое происхождение. Не правда ли, приятно иметь предком такое красивое животное? — спросил он нас.

Мы согласились с ним, животное действительно было красивое. Да и снимок был сделан хорошо.

Наш профессор был подвижником науки. Во время своих путешествий по необъятным просторам Центральной Азии он нажил астму, а в горных высях у него случилось кровоизлияние, один глаз его пострадал. Пострадали, по-видимому, и другие органы.

Кто-то из монголов сказал, что Григорий Ефимович «отдал свое сердце Азии». Если же перейти от поэзии к прозе, можно сказать, что Григорий Ефимович не только сердце, но и много здоровья отдал сердцу Азии.

Лекции Г. Е. Грумм-Гржимайло всегда были выдержанными в академических тонах. Трудно припомнить случай, когда бы он полемизировал с кем-нибудь. Только с П. К. Козловым у него были нелады из-за шкуры дикого осла, обитателя гобийской зоны. Дело выглядело так, что первым такую шкуру привез к нам Григорий Ефимович, а первооткрывателем этого животного многие считали П. К. Козлова. Г. Е. Грумм-Гржимайло, отдавшему так много сил изучению Центральной Азии, было, конечно, обидно.

Лекции Григория Ефимовича, прочитанные в 1929–1930 учебном году, были последними в его жизни. Когда мы познакомились с ним в <17> 1926 г., ему было всего шестьдесят шесть лет. В таком возрасте обычно только-только начинается старость, а Г. Е. Грумм-Гржимайло настигла уже дряхлость. Передвигался он с большим трудом, на лекциях, как говорилось выше, устраивал себе передышки, а вскоре ему пришлось буквально бороться за жизнь.

Сказались, по всей вероятности, разнообразные жизненные неурядицы и всякие невзгоды, которыми сопровождалось путешествие Григория Ефимовича. Наш профессор рассказывал, как однажды пострадал их багаж и как его брат вынужден был курить подмокший табак. Правда, вскоре этот курильщик настолько привык к такому табаку, что доброкачественный казался ему уже невкусным.

Надо думать, у Григория Ефимовича разнообразных злоключений было достаточно во время его путешествий. И далеко не все они, конечно, были различными для его организма. В 1930 г. Г. Е. Грумм-Гржимайло прекратил педагогическую деятельность, а в 1936 г. навсегда покинул наш мир, оставив все же на земле заметный след в виде фундаментальных трудов.

Г. Михайлов

27/III-1967

Использованная литература

Владимирцов, 2003: Владимирцов Б. Я. Работы по литературе монгольских народов. М.: Вост. лит., 2003.

Vladimirtsov B. Ia. Raboty po literature mongol'skikh narodov. M.: Vostochnaia literature, 2003.

Vladimirtsov B. Ya. Works on the literature of the Mongolian peoples. Moscow: Eastern Literature, 2003.

Грумм-Гржимайло, 1926: Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л.: Ученый комитет МНР, 1926.

Grumm-Grzhimailo G. E. Zapadnaia Mongoliia i Uriankhaiskii kraj. Tom II. Istoricheskii ocherk etikh stran v sviazi s istoriei Srednei Azii. L.: Uchenyi komitet Mongol'skoi Narodnoi Respubliki, 1926.

Grumm-Grzhimailo G. E. Western Mongolia and the Uriankhai Region. Volume II. A historical sketch of these countries in connection with the history of Central Asia. L.: Scientific Committee of the Mongolian People's Republic, 1926.

³⁷ Николай Васильевич Кюнер (1877–1955) — востоковед, историк и этнограф [Милибанд, 2008. Кн. 1. С. 770–772].

³⁸ Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) — тюрколог, арабист, профессор, академик АН СССР [Милибанд, 2008. Кн. 1. С. 107–110].

³⁹ Николай Яковлевич Марр (1864–1934) — кавказовед, археолог и историк [Милибанд, 2008. Кн. 1. С. 878–879].

Кононов, Иориш, 1977: *Кононов А. Н., Иориш И. И.* Ленинградский Восточный Институт. Страница истории советского востоковедения. М: Наука, 1977.

Kononov A. N., Iorish I. I. Leningradskii Vostochnyi Institut. Stranitsa istorii sovetskogo vostokovedeniia. M: Nauka, 1977.

Kononov A. N., Iorish I. I. Leningrad Oriental Institute. Page of the history of Soviet Oriental studies. Moscow: Nauka, 1977.

Кузьмин, 2016: *Кузьмин С. Л.* Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости. М., 2016. [Электронный ресурс] // URL: https://ivran.ru/f/Dissertaciya_Kuzmin.pdf. (дата обращения: 09.11.2021).

Kuz'min S. L. Buddizm i gosudarstvennost' Mongolii v nachale XX v.: transformatsiia otnoshenii religii i gosudarstva v protsesse stanovleniia nezavisimosti. M., 2016.

Kuz'min S. L. Buddhism and the Statehood of Mongolia at the beginning of the XX century: the transformation of relations between religion and the state in the process of becoming independent. Moscow, 2016.

Милибанд, 2008: *Милибанд С. Д.* Востоковеды России XX — нач. XXI века. Библиографический словарь. Книги 1, 2. М.: Вост. лит., 2008.

Miliband S. D. Vostokovedy Rossii XX — nachalo XXI veka. Bibliograficheskii slovar'. Kniga 1, 2. M.: Vostochnaia literature RAN, 2008.

Miliband S. D. Orientalists of Russia XX — the beginning of the XXI century. Bibliographic dictionary. Volume one; two. Moscow: "Oriental Literature" of the Russian Academy of Sciences, 2008.

Раднаев, 2012: *Раднаев В. Э.* К 100-летию со дня рождения Г. И. Михайлова // Российское монголоведение. Бюллетень VI. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012.

Radnaev V. E. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia G. I. Mikhailova // Rossiiskoe mongolovedenie. Biulleten' VI. M.: Institut vostokovedeniia RAN, 2012.

Radnaev V. E. On the 100th anniversary of the birth of G. I. Mikhailov // Russian Mongolian studies. Bulletin VI. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2012.

Svetlana S. Sabrukova

A history of Mongolian studies in Russia: from the memoirs of G. I. Mikhailov (1909–1986)

The article is dedicated to the recollections of G. I. Mikhailov — a 20th c. prominent Russian researcher of Mongolia in which he remembers his teachers and colleagues — B. Ya. Vladimirtsov, G. E. Grum-Grshimailo, A. V. Burdukov, S. A. Kozin, N. N. Poppe and G. N. Rumyantsev and which were discovered in the private collection of N. P. Shastina now kept in the Archives of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Science. G. I. Mikhailov called his memoirs 'notebooks about the distinguished Russian orientalist', in them he was also describing the details of his life at that time, his personal opinions and views on various events taking place in the life of his 'characters'. The memoirs cover the period of more than forty years — from 1926 till 1967. They are written in a vivid captivating language with the use of dialogue.

Key words: B. Ya. Vladimirtsov, G. E. Grum-Grshimailo, A. V. Burdukov, S. A. Kozin, N. N. Poppe, G. N. Rumyantsev.

Svetlana S. Sabrukova — Cand. Sci. (Philology), Junior Researcher, the Department of Manuscripts and Documents, IOM RAS (Dvortsovaya Emb., 18, St.-Petersburg, 191186, Russia).
ssabrukova@yandex.ru